

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
JUL 15 1916

НОВОЕ РУССКОЕ СЛОВО

ВСКРЫТ ГРОБ ПИРОГОВА. ТЕЛО ПРЕКРАСНО СОХРАНИЛОСЬ

Москва, 13 июля. — «Известия» сообщают, что в Виннице, Каменец - Подольского округа, особой комиссией медицинской Академии наук, вскрыт гроб с телом знаменитого хирурга Николая Пирогова, скончавшегося в 1881 году. Тело, прекрасно сохранившееся, будет подвергнуто повторному бальзамированию, для более продолжительного его сохранения.

ВЕНГРИЯ РАСПУСТИЛА ОРГАНИЗАЦИЮ БОЙСКАУТОВ

Будапешт, 13 июля. — Венгерское прагительство, уступая требованиям советского военного командования, распустило организацию бойскаутов.

NOVOYE RUSSKOYE SLOVO, 243 West 56th St. New York 19, N. Y.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО

Литературные заметки

Первые номера журналов за текущий год подкрепляют впечатление, что послевоенный период в литературном отношении не только не оправдал возлагавшихся надежд, но оказался беднее военного времени.

В заметках о художественной прозе 1945 года критик Бронман, останавливаясь на основной теме послевоенной беллетристики — теме возвращения с войной, не скрывает разочарования: «Бедя этих рассказов — пишет он — конечно, не в том что они рисуют счастливые картины, хорошие рассказы или как говорят, благополучные концы. Все дело в том, что нарисовано... Когда вы читаете описание встречи мужа и жены после тяжелой разлуки, вы слышите и слышите, как они при этом обмениваются взглядами и фразами, вы видите даже беспаспортный паспорт, вы видите даже беспаспортный паспорт...»

Им стало даже безопасней. Ни карикатурист, ни автор текста к рисунку не шарахаются: кран от само вара оторвался, течет вода. Эту воду В. Вишневский (автор пьесы из жизни Балфлота — «Мы из Кронштадта» и др.) и Л. Соболев приняли за «морю», один снаряжает на этой луже «фрегаты», другой даже стал «морской душой» (назек на сборник рассказов Л. Соболева «Морская душа»). Владки качаются на качелях критики Юзовский и Гуревич. Они заглянули бурную дискуссию («О «Старых друзьях» Малюгина, о ней речь шла в одном из моих недавних фельетонов»). Третий критик Мундлит — не знает, кого из спорящих поддержать (статья Мундлита была действительно очень осторожно написана):

Вызрел на них осторожный Мундлит, сомнения владеют Мундлитом: Под комм из критиков почва верная, У кого больше в земле корней? Сие не узнаться до гроба, Поскольку качаются оба.

Но, пожалуй, больше всего в дружеском шаре попадает критике: В центре площадки Конст. Симонов с лукошком затеял хорошеющую игру с припеком:

Ой, Дяд-Ладю, сеяди! А хор критиков поет: А мы прозу вытопчем, вытопчем!

Журнал «Новый мир» в нынешнем году возобновил отдел «Пародий и шаржей». Среди них удачна пародия А. Раскина на пьесу Н. Погодина «Хлябь и твердь» — в сущности, это пародия на многие современные пьесы. Ее герои — инженер Беркутов, его жена, и друг — выразительной фамилией — Канальский, Муса — девушка без характера, несколько «случайных персонажей», вроде Миши-одессита и мальчика Фили и — вместо древне-греческого хора — коллектив завода № 113/215. Беркутов ревнует жену к Канальскому, волнуется за сыра для завода и уезжает на Дальний Восток. Там он успокаивается и после возвращения мирится с женой, не ревнует ее больше, попрежнему «блестит» к Канальскому на заводе. Канальский мстит Беркутову, уговаривая мальчика Фили испортить на заводе кран и свалить порчу на Беркутова. Канальский, конечно, своевременно «разоблачается», как «типичный гал с позорным прошлым». А коллектив завода № 113/215, как и полагается классическому хору, в заключение поет: «План! Не! Выполнен! А! Пере! Выполнен! — Восторг! Ликование! Овация! Самуи!» — Остроумие всего ремарка в конце пьесы: «Страшный скрип. Это перевернулся в гробу В. Шекспир. Дочего беспокойный классик! Лезжал бы себе».

Удача была в первой серии «Литературной галереи» карикатура Ю. Узбекова «Детский крик на лужайке», текст к которой написал М. Слободкин и Я. Сапжын. На рисунке — обширная лужайка, на которой проливает литературный пикник. Кого-кого тут только нет! У большого самовара с трубой до рта сидит старшая писательница. Рядом с ней сидит писатель И. Тихонов. Неподалеку от него группа литераторов забавляется популярной игрой в мнения: «каждый из играющих

имеет не менее трех мнений о творчестве своих коллег, причём большей частью эти мнения отрицательные». Критики в этой игре участия не принимают, они предпочитают «игру в жмурки», «где можно обходиться без мнений и играть, ничего не видя». В другом углу лужайки молодые литераторы играют «в классы и в классику». Успешно играют только Борис Пастернак («в Вилло Шекспира») и Маршак. К ним примкнул сейчас С. Михалков, но он играет «в дедушку Крылова». Любопытна общественная оценка басен Михайлова:

В желанны славы и добра Он смело ринулся в атаку. Но басней не «убил бобра». Хотя на баянах сел собаку. Что до бобров — то с этой басней Им стало даже безопасней.

Внезапно домашняя работница сообщает, что писательницу спрашивают какой-то человек. «Человек с портфелем» входит для производства опроса в связи с тем, что несколько минут тому назад один из пассажиров метро, читавший какую-то книгу, потерял сознание и отправлен в больницу Склифосовского. Перед тем как потерять сознание, пассажир успел проронить два слова: «Я прочел». По мнению «человека с портфелем» от книг Шолохова и Фадеева никто заболеть не может, а вот насчет других авторов он не уверен. Он спрашивает Адольтера «удобочитаем-ли» ее роман. Адольтер в испуге сейчас же кается, что на-за спешки в ее романе «скомканы четвертая и шестая главы» и «недоработаны первая, вторая и третья», но что несмотря на это редактор ее книгу похвалил. Но редактор, взглянув на часы, поднимается, чтобы уйти. «Человек с портфелем» его останавливает и ставит вопрос ребром: как он нашел роман Адольтера? Оказывается, за переугоренностью, редактор этого романа не читал, хотя и похвалил. Критик Непотерплюев, тоже хвалявший его, теперь смущенно лепечет, что книга «откровенно говоря, да, и нет, и не очень»: Когда человек с портфелем настаивает на большей определенности, он залпом выговаривает: «Видите ли... Этот роман — пойдите меня правильно — хахтура в самом высоком смысле»: в романе имеются «языковые погрешности, но они «восполняются» отсутствием образов». В это время к Адольтеру приходит еще один гость — драматург Шекспирчук. Быстро ориентировавшись в происходящем, он собирается отрезаться. Но человек с портфелем задерживает его, а Адольтер в утешение говорит драматургу: «Не запирайтесь, Вильям Кузмич, умоляю вас, это бесполезно. Мы все уже сообразили». Допрошенный о своей литературной «продукции», Шекспирчук признается, что он как раз сейчас закончил пьесу, она неудачна, в ней 8 картин и четыре действия, во время которых «почти ничего не происходит». Нет в пьесе и «равновесия характеров», но все это не беда, так как каждый драматург имеет право после одной удачной пьесы написать три неудачных...

В. Александрова.

Новоселье (№ 27-28)

В ближайшие дни выйдет значительно увеличенный в объеме летний номер журнала «Новоселье». В отделе беллетристики фантастика Ремизова «Народель», фантастическая повесть В. Яновского «Путешествие муравья», новелла Ант. Ладина «Саломея» и сценки из американской жизни Лолы Кауфман.

В литературном и публицистическом отделе — большая статья Генриха Манна, затрагивающая живучие вопросы международной политики. Проблемы современности освещены также в статье Марии Слоним «Русские разговоры». Ирина Грэм продолжает свои воспоминания об японском кондояге. В. Духельский в «Музыкальных отголосках» отводит большое место молодому американскому композитору.

Об эстетском поэте-партизане, герое виленского гетто, рассказывает С. Дубнова. Профессор В. Агафонов дает анализ творчества гениального русского ученого В. И. Вернадского.

В отделе поэзии — стихи Софии Прегель и Анны Присмановой и поэма Вадима Андреева «Возражен».

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ СТИХИ ЕСЕНИНА

Ах, метель такая просто чорт возьми, забывает крышу белыми гвоздями. Только мне не страшно, и в моей судьбе Непутевым сердцем я прибит к тебе.

Снежная равнина, белая луна, Саваном покрыта наша сторона. И березы в белом плачут по лесам. Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам? Ночь 4/5 октября 1925 г. Москва.

ВОСЕМЬ СТРОК.

В начале октября 1925 года, в последний год своей жизни, Сергей Есенин увлекся созданием кратких стихотворений. 3 октября были написаны «Голубая кофта, синие глаза» и «Слышишь, мчатся сани». В ночь с 4 на 5 октября он продиктовал мне подряд семь строк и восьмистрочных стихотворений. На другой день, по этой моей записи, Есенин сделал небольшие поправки.

При жизни автора были напечатаны «Сочинитель бедный, это ты ли?» и «Вечером синим, вечером лунным». Подготовив собрание своих произведений, Есенин включил в него стихотворения: «Снежная зима крутит бойко» и «Не кривы улыбки, руки теребя». Первый том собрания, в который вошли эти стихи, появился, когда поэта уже не было в живых. Остальные стихи этого цикла автор печатать не хотел, так как они его не удовлетворяли. Пятое стихотворе-

ние, «Плачет метель, как шибанская скрипка», было напечатано после смерти Есенина сперва в журнале, а затем в четвертом томе собрания, составленном редакцией Государственного издательства.

Помещаемые здесь стихи принадлежат к тому же циклу шестсти и восьмистишия, написанных в ночь с 4 на 5 октября 1925 года. Они печатаются впервые, по моей записи, сделанной под диктовку Есенина. Эти стихи включены в новое издание произведений Есенина, выпускаемое в настоящее время Гослитиздатом.

Осенью 1925 года, вскоре после возвращения в Москву из поездки на Кавказ, где Есенин работал главным образом над продолжением цикла «Персидских мотивов», он несколько раз говорил о том, что хочет написать цикл стихов о русской зиме. Первым стихотворением этого цикла являлось «Эх, вы сани, а кони, кони». За ним последовали другие на ту же тему. В течение трех месяцев, почти до самой смерти, Есенин не оставлял этой темы и написал двенадцать стихотворений, посвященных русской зимней природе.

Необычайное многообразие, яркость, величавость, сказочная, фантастическая красота нашей зимы, которую с детства любил всякий русский человек, увлекли Есенина, глубоко любившего свою родную страну, пробуждали в нем высокие поэтические настроения, рождали новые прекрасные образы и сравнения.

С. Толстая - Есенина.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬБОМ

Чьи это стихи?

...Альсанда безмерно узнал Неверный мнимых наслаждений. Обман прелестных упоений. И боже их — он не искал...

Вероятнее всего, перед вами одна из байронических поэм, которые были так модны в прошлое время. Нет, пожалуй, даже интереса высказать имя автора. Но, может быть, если не сам сочинитель, то хотя судьба Альсанды заинтересует вас? Ко всем равнодушным, Альсанда бродит по лесам в полном одиночестве.

Альсанда идет. — Что ж гонит он! Близ клена Муза молодая, Ручкой склонясь на мшистый пенек, В тумане вся встречает день, Фиаку в локон задаетая...

А дальше происходит самое главное: Альсанда заслушался — забыл Печаль души, и грусть, и муки; И с каждым утром приходил Внимать пленительные звуки; Сирелью он вымолил потом У левы доброй и прекрасной...

Но не будем злоупотреблять терпением читателя и тем более что судьба Альсанды уже решена: И часто после за холмом, Неяркий его, голос страстный. Слышал с ее напевом он.

Вот, в сущности, и все... Можно еще прибавить, что эти стихи появились в 1828 году в журнале «Славянин». Однако под строфами «Альсанды» в журнале стояла подпись автора — Михаила Глинка.

Да, эти стихи написал и отдал в журнал Михаил Иванович Глинка, автор опер «Жизнь за царя» и Руслан и Людмила.

В «Записках» Глинки есть только короткие строки, глухо говорящие о поэтических увлечениях молодости. Глинка встречался в то время с товарищами по пансиону, любителями изысканной сложности, с И. и грешный, — признается великий музыкант, — брался иногда за перо, увлеченный их примером.

А теперь стихи совсем другого автора:

...О, ландыш, отчего так радуешь ты взоры? Другое есть цветы раскошней и дышней, И ярче краски в них, и тесней узоры, — Но предстали в них нет таинственной твоей. В чем тайна чар твоих? Что ты душе ведаешь? Чем манишь так к себе

и сердце веселишь, Иль радости былых ты призыв воскрешаешь? Или блаженство нам грядущее сулишь? Не знаю. Но меня твое благоуханье, Как виная струя и греет и пьянит, Как музыка, оно стесняет мне дышанье, И как огонь любви, пылает жар ланит...

На этом оборвет стих. Автор этих стихов не значится ни в одном сборнике русской поэзии. Скорейный сочинитель никогда и не помышлял о тиснении их в печати. Имя его — Петр Ильич Чайковский. Отсылка слов «Ландыши» брату, композитор писал:

...так как я не поэт, а только стихотворец, то, может быть, ошибкою, но мне кажется, что стихотворение никогда не может быть вполне искренно, вполне вылиться из души. Законы стихосложения, рифма (особенно рифма) обуславливают и то деланность. Поэтому я скажу, что музыка все-таки бесконечно выше поэзии.

Так-ли это, — пусть о том спорят с музыкантами поэты. Бесспорно лишь одно: оба цитируемые нами стихотворца сделали все от них зависевшее, чтобы утвердить безоговорочную победу музыки в своем творчестве.

Е. Капп

«Детская энциклопедия»

В Академии педагогических наук РСФСР ведется подготовка к изданию «Детской энциклопедии» рассчитанной на детей школьного возраста. Выделена рабочая группа, возглавляемая профессором И. Г. Розановым, которая занимается сейчас изучением литературного наследства в этой области.

«Детская энциклопедия» намерена дать юному читателю популярный, богатый иллюстрированный материал по самым разнообразным вопросам — о строении вселенной, происхождении жизни на земле, истории культуры. Специальные разделы предполагается посвятить нашей Родине, науке и технике. В энциклопедии будет помещен материал о детских защитных играх и

Т. д.

Реалист-ли Достоевский?

По поводу критических замечаний М. Е. Вейнбаума

Золя говорил, что, когда он читает по утрам газеты, ему каждый день «приходит в голову написать несколько жаб»: Это значило, что его часто и ядовито ругали в газетах враги и ненавистники.

В том, что написал М. Е. Вейнбаум о моей последней статье о Достоевском, только не запечатанной в «Новом Журнале» (№ 13) нет, конечно, никакого злодейского яда, и вообще даже ни о какой полемике между нами не может быть речи; — просто один из нас смотрит на Достоевского под одним углом зрения, другой — под другим и поэтому каждый из нас видит как бы разные проекции и разрезы той великой сложной, запутанной и конечно противоречивой в себе вселенной, которая называется «Достоевский».

Это, впрочем, не значит, что я вовсе ничего не проглотил за мои завтраком. Кое-что все-таки проглотил. Ну, не жабу, конечно, но, скажем, маленькую лукаво дырящую лягушечку. Я считаю, что М. Е. Вейнбаум — сильный и опасный полемист, при всем своем обаянием добродушии. Хорошо, что мы с ним просто по добрососедски беседуем, а не спорим или препираемся.

Вопрос можно поставить так: надо ли считать Достоевского реалистом и реальным психологом, как до сих пор, кажется, считали все, или нужно его считать вовсе не реалистом и отнюдь не реальным психологом, как признается и полу признается сам Достоевский во многих местах своих писаний (хотя бы в том самом, которое выдвигает против меня М. Е. Вейнбаум). Достоевский как бы даже создает понятие какого-то нового, особого реализма, непохожего на обычный и традиционный. Он его называет «нашим идеализмом», очевидно, намекая на то, что реальность, таким способом обнаруживаемая и воспроизводимая, не очень то отярира сего. В заключение, цитирую М. Е. Вейнбаумом, Достоевский о существе говорит, что для него, чтобы предугадать ход событий на земле, надо уметь заглянуть кое куда дальше и выше земли. Другими словами: когда Достоевский сочинил «Бесов», — Верховенских, Кирилловых, Эркелей, Липутиных, Лебядкиных, Виргинских и, пожалуй, даже Ставрогных еще не существовало в природе и их надо было выискать там, откуда они впоследствии пришли. Такого фокуса, разумеется, никак нельзя проделывать при помощи общераспространенного реализма, скажем, тургеневско-гончаровского. Тут непременно нужен «наш идеализм», то есть как бы обходный взгляд на действительность через какую-то незвездную нооферру.

Я думаю, что Толстой видел наш мир и изобразил его с неподажаемым мастерством. И я уверен, что то, что видел Достоевский, было вовсе не нашим миром, и что писателю пришлось луснуть в ход все свои совершенно недоцененные еще изобразительные средства, чтобы придать этому своему видению подобие реальности. Мне кажется, что и достаточно ясно рассказал в моей статье, какими приемами пользуется для этого Достоевский. Он делает свои персонажи карикатурными или густо накладывает на них ярлык бытовой грим, маскирующий их природность.

Достоевский похвалится тем, что благодаря своему изгладыванию в потустороннее (благодаря, как он пишет, «нашему идеализму») он иногда верно угадывает, что произойдет в нашем реальном мире. Реалисту такими (действительными или мнимыми) достижениями похвалиться не нужно. Ему не нужно доказывать своей реализм более или менее удачными предсказаниями. Я не вспомню у Толстого ни одной строчки, содержащей такого рода пророчества. Например, Толстой никогда не прогноза-

шает (как это делает Достоевский), что Европа сгинет от социализма и ее спасет богочеловечья Россия. Кстати, это одно из тех пророчеств, которые как будто не очень оправдались.

М. Е. Вейнбаум указывает, что Достоевский предсказал в «Преступлении и наказании» действительно совершенное впоследствии преступление. То есть что же он предсказал? Что придет молодой человек и уберет топором старуху процентщицу? Да таких преступлений в одном Нью Йорке происходит вероятно по полдюжине в месяц. М. Е. Вейнбаум может, конечно, сказать: не в том дело, что убил топором процентщицу, а в том, что совершил это преступление со своим выдуманной им самим нигилистической теорией. Опыт такой: мало ли существует таких философствующих преступников, особенно, если эти преступники чему нибудь учились или терлись около образованных людей. Тип философствующего преступника появился задолго до Достоевского, например, во французской уголовной литературе (не говоря уже об эпохе Возрождения и о Шекспире). Раскольников вовсе не потому ирреален, что он убивает топором старуху процентщицу и сестру ее Елизавету и что он делает это оттого, что «гениальному человеку все позволено» а потому что он совершает это убийство исключительно для проверки своей теории, без всякого корыстного интереса. Даже деньги не забирает у жертвы, засовывает их в какие то тайники и прямо забывает о них. Раскольников потому не реалист, что он прежде всего преступник. Такие люди, как он, старух процентщице не убивают. Вот Долохов (у Толстого) свободно может убить кого угодно, если это ему будет выгодно. Он и французозабранных в плен, выводит в раскол от очаровательным хладнокровием. По тогдашним теориям Толстого Долохов, герой и преступник, но заслуживающий уважения преступник, и Толстой к нему часто проявляет явное сочувствие. А вот Соня — «пустоцвет» — у нее нет «здорового эгоизма».

Ну так вот — в Раскольникове тоже нет никакого здорового эгоизма. И в том, что такой человек как он, берет топор и идет убивать двух беззащитных пожилых женщин, ровно столько же правдоподобно, как в том, что Соня и «Войне и Мире» вооружилась вилами и пошла колоть хотя бы старую графиню Ростову. А уж видит Бог, что старая графиня Ростова ничего много от задревленной ею Соня и не заслуживала.

Л. И. Шестов постоянно и упорно повторял, что Раскольников — «воображаемый преступник», что он никогда никакого преступления не совершил и совершить не мог. Мне кажется, что Шестов был единственным писателем, у которого иногда возникали сомнения насчет реализма Достоевского. Шестов охотно и упорно подчеркивает, что Ницше, по собственному своему признанию, считает Достоевского (а отнюдь не Шпенгауэра) главным своим учителем. Спрашивается: чему мог бы научиться Ницше у реалиста? Например, у Л. Н. Толстого?

Все реально действующее лицо у Достоевского вовсе не потому призрачно, что нет людей, способных совершить те поступки, которые протискивает этим своим персонажам Достоевский. Призрачны они потому, что такие, как они, по природе своей, неспособны на приписываемые им действия и чувства. Поясно свою мысль примером. Допустите, что в «Войне и Мире» Толстого, Наташа Ростова, вместо того, чтобы выйти замуж за Пьера Безухова, обвенчалась фиктивным браком со студентом — естественником и уехала с ним в Германию, к знаменитому математику Вей-

ерштрассу изучать и разрабатывать интегрирование дифференциальных уравнений при помощи рядов. Такой случай в реальной действительности был. Но только произошел он не с Наташей Ростовой, а с Софьей Корвин-Круковской, ставшей при этом Софьей Ковалевской. Спрашивается: остался ли бы Толстой реалистом, если бы он заставил Наташу Ростову проделывать такие же гениальные экстрагантности, какие проделала несколько десятилетий спустя С. В. Корвин-Круковская?

Достоевский поступает со своими действующими лицами именно так, как Толстой никогда бы не поступил ни с Наташей, ни с Соней. М. Е. Вейнбаум сравнивает Лизу Хохлакову с повешенной в Германии англичанкой немецкой салистской Ириой Гресе. Ириа — говорит М. Е. Вейнбаум, — делала то или почти то, о чем Лиза только мечтала. Это верно. Но в грубой и элементарной салистке Ириа непрерывное проявление зверской жестокости вполне естественная вещь. Любая народ содержит в себе известный процент прирочаженных преступников. Ириа просто целиком входила в этот процент. В Лизе Хохлаковой, конечно, ровно никаких преступных черт нет. Достоевский даже придает ей прямо английские черты, например, трогательную заботливость о больном мальчике Илюше, которого она никогда не видела. И вдруг у этого ангела — чудовищная мечта о распятом ребенке с обрезанными пальчиками. Если это реализм, то уж, конечно, какой то противоестественный, фантастический, потусторонний.

То же относится и к многим героям «Бесов». В этом смысле типичнейший пример неосуществившейся психологической противоречивости — инженерный поручик Эркель, кроткий, нежный трогательный мальчик и в то же время хладнокровный убийца. Скажут: могут же быть в человеке противоречивые черты. Конечно, могут, и каждый индвидуальный психолог, вроде Толстого, такие противоречия видит и описывает. Когда законечного злодея Долохова (начало этого человека нельзя назвать) случайю ранит на дуэли близорукий и не умеющий стрелять Пьер, злодей Долохов просит своего секунданта, Николая Ростова, осторожнее и деликатнее предупредить о случившемся кандела моего, мать мою! — «а то она этого не вынесет». Оказалось — добавляет Толстой — что злодей Долохов нежно и заботливо обожал свою мать и свою горбатую сестру, которые считали его добрейшим и деликатнейшим человеком в мире. Да, такие противоречия бывают и можно, не переставая быть реалистом, рисовать антистические натуры. Но есть возможные и невозможные противоречия. Раскольников не мог быть убийцей (пот ведь и Шестов никогда не мог поверить в его преступление), Эркель не мог лицемерно заманить Шатова в гниусную дырволющую лужушку. Соня не могла воткнуть вилы в живот своей названной «стпаль», а Наташа не могла интегрировать дифференциальные уравнения при помощи рядов. Оговариваясь, всего этого никак не могло бы быть в нашем реальном мире. Ну, а в мире Достоевского все может быть. Дело в том, то там реализм слобрен (если не совсем заменен) «нашим идеализмом». Поэтому: это не только восхитительно, но и необходимо. Реалистов и без Достоевского достаточно. У Достоевского есть свое место и своя роль в наших духовных потрясениях.

Леонид Галич.

СТАТЬЯ Л. ГАЛИЧА

В статье Л. Галича Апофеоз равнодушия (в номере от 8 июля) по техническим причинам вышло большое количество опечаток, о чем мы крайне сожалеем. — Ред.